

Р. А. Кононов

**Отзыв о семинаре доктора Натана Шварц-Саланта
«Пионерские исследования дальних пределов человеческой психики».**

Очень хороший семинар. На редкость! Хочется смотреть на вещи позитивно, но кажется, в ближайшее время ничего подобного больше не предвидится. И дело здесь, конечно, в Натане Шварц-Саланте. Теоретики подобного уровня концептуализации, да еще с такой «мессианской потенциальностью» – нечастые гости на российской земле. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, остаточные следы потрясения от этой встречи все еще остаются со мной. В рамках этого семинара было много других интересных моментов (например, это касается практикумов наших московских коллег), но в своем отзыве я бы все-таки хотел сосредоточиться на том впечатлении, которое произвел на меня именно этот человек. Про ход семинара Шварц-Салант выступал в нескольких амплуа. Я остановлюсь лишь на двух: концептуальный теоретик и клиницист. При этом я не претендую на полноту изложения; ниже приведены лишь те моменты, которые оказались значимыми лично для меня.

Н. Шварц-Салант как концептуальный теоретик.

1. «Интерактивное поле» - одна из наиболее ярких идей в современной глубинной психологии, позволяющая взглянуть с новой точки зрения на рабочие отношения в анализе. Эта концепция стоит в одном ряду с «аналитическим третьим» Томаса Огдена, но, на мой взгляд, по уровню проработки темы находится на более высоком уровне. Уже не умозрительное построение, но самодостаточная система, со своей теоретической базой, диагностическим инструментарием, амплификациями, модификацией аналитической техники. В то же время, несмотря на все вышеперечисленное «интерактивное поле» остается предметом веры, о чем Натан Шварц-Салант бегло упомянул в самом начале своего выступления, сказав что-то вроде: «как юнгианцам, нам разрешено верить в интерактивное поле». По всей видимости, технические возможности этой концепции доступны аналитику, если он в нее *верит*. Подобное можно сказать обо всех наших глубинноаналитических конструкциях. Интерактивное поле – это еще один «механизм», средство связи между клиентом и аналитиком; нечто большее, чем проекция (интроекция) и проективная (интроективная) идентификация, которые, тем не менее, участвуют в его образовании. Интерактивное поле – самостоятельная сущность, «третий между», обладающий собственными смыслами и динамикой, для описания которой Шварц-Салант привлекает иллюстрации «Розариума». В этом отношении, семинар преподнес мне несколько сюрпризов. Первый связан с утверждением Шварц-Саланта о тантрических корнях «Rosarium philosophorum»; второй – с действительным количеством картинок в алхимической цепочке. Уже скоро десять лет, как я веду семинары по «Психологии переноса» и каждый раз мне приходится отвечать студентам на вопрос, почему результат опуса имеет такой «гадкий» вид. Ведь у Юнга все заканчивается на десятой иллюстрации «Новой рождение» – парящим гермафродитом. К юнговским ответам на этот вопрос я добавлял некоторые свои, но теперь, когда на двадцатой, последней картинке я увидел вполне антропоморфного Спасителя, восстающего из купели... Этот образ гораздо больше подходит на «роль» результата долгой и тяжелой душевной работы! По каким причинам Юнг использовал в «Психологии переноса» только первую («лунную») часть «Розариума» (ограничившись лишь коротким упоминанием о второй – Психология переноса, pag. 520)? Либо он счел, что вторая часть во многом дублирует фазы первой (что, в общем-то, так и есть!) и повторяться нет смысла; либо вторая («солярная») часть должна быть прожита уже за пределами аналитического процесса. Последнее – странно, учитывая акцент Юнга на важности религиозной установки для психического исцеления, ведь, как мне кажется, вторая часть «Розариума» в том числе и об этом! А может, ему не хотелось новых упреков в нездоровом мистицизме.

Вернемся к интерактивному полю, чья латентная динамика подчинена закономерностям «Розариума». Отношения «адепт-сестра» охватывают все связи «конвертика» (Психология переноса, pag 422, 423). Но у меня сложилось впечатление, что Шварц-Салант в большей степени акцентируется на нижней связи «с». Это означает, что речь идет о прямом и непосредственном (минуя Эго) взаимодействии между двумя бессознательными (клиента и аналитика), которое, видимо, и рассматривается как основной фактор образования интерактивного поля. Связь «с» говорит о том, что этот процесс взаимодействия протекает подспудно и бесконтрольно. Он описывается, как садистические взаимоотношения в

архетипической паре. Есть и соответствующая амплификация – это миф об Аттисе и Кибеле, который Натан Шварц-Салант явным образом выделит из общего мифологического массива (в одном месте через него объясняются отношения «сына-любownika и Великой Матери»; в другом – динамика «комплекса слияния»). В связи с этим, вскоре после семинара у меня возникло небольшое сомнение, которое позже разрешилось, позволив на свой манер упорядочить смысловую вселенную Натана Шварц-Саланта. В алхимическом опусе взаимодействуют партнерские, симметричные по статусу фигуры (Царь и Царица) и это, как мне кажется, ключевой момент для успеха процесса, требующего от участников своего рода равновесия (см., например, девизы к третьей иллюстрации: «Луна: о Солнце, я должна тебе подчиниться! Солнце: о Луна, я должен тебе подчиниться»). А вот Аттис и Кибела – персонажи несимметричные. Она – богиня, он – смертный или максимум – полубог! Таким образом, данная амплификация не применима к опусу, но относима ко времени доопуса, характеризую связь в паре, как еще не способную к полноценному алхимическому воплощению. До этого этапа нужно «дорости»! Качество отношений в архетипической паре должно определенным образом повыситься, о чем будет свидетельствовать устранение статусной иерархии. Пока этого не случилось, пара не способна к полноценному coniunctio и пребывает в садистических отношениях. Мир до опуса находится под властью того, что Шварц-Салант называет «комплексом слияния».

Впервые я узнал об «интерактивном поле» из второго выпуска «Хрестоматии по глубинной психологии» (1997), где была напечатана работа Шварц-Саланта «Депрессия отвергнутости: алхимические и развивающие перспективы». Но ввести этот очень интересующий меня конструкт в собственную практическую лексику у меня так и не получилось, хотя я честно старался. Все время не хватало каких-то связей «внутри» концепции. Сейчас, после этого семинара конструкт интерактивного поля приобрел законченность и, надеюсь, с течением времени станет удобным рабочим инструментом. Чем он удобен? Используя концепцию «интерактивного поля» можно: а) исследовать аспект самоорганизации в рабочих отношениях; б) психологически (символически) освоить (наполнить) «пустое» физическое пространство между аналитиком и клиентом; в) исследовать способы пространственного выражения бессознательной психодинамики (двигательное сновидение и интенциональный жест); г) сделать опыт «содержания» части в «содержащем» целом менее тревожным, но более осмысленным и продуктивным; д) превратить партнерский пафос «рабочего альянса» в практический инструмент совместного («локоть к локтю») исследования воплощающегося бессознательного содержания.

2. Комплекс слияния констеллируется в интерактивном поле, порождая особенное состояние сознания, характеризуемое высоким (до невыносимого) уровнем напряжения, амбивалентностью (наличие тяги к объекту при полном бесчувствии; стремление разорвать текущий контакт при полной невозможности сделать это), защитными маневрами сознания, направленными на отрицание наличия констелляции в текущем контакте (аналитик отворачивается в сторону; впадает в дрему и прочее). Активизированный комплекс слияния означает угрозу психотического вторжения, или может быть уже факт этого вторжения. Шварц-Салант полагает, что комплекс слияния должен быть обязательно допрожит и осознан в рабочих отношениях, поскольку он – препятствие для полноценной интеграции (невозможность coniunctio) и индивидуации. С «комплексом слияния» следует обращаться как с классическим демоном – узнать его имя и обрести над ним свою власть. В целом, ставка делается на трансформационный инсайт клиента, наконец распознающего этого демона.

Аналитик Шварц-Саланта обладает собственным честным опытом проживания «комплекса слияния» и способен повторно пройти этот путь вместе с клиентом. Это означает, в первую очередь, операциональное обращение с психотическими элементами. В качестве прообраза технических рекомендаций по проработке комплекса слияния можно взять «южноамериканскую легенду о змее Сисиютле», также рассказанную Натаном. Я никогда прежде не слышал этой истории, но она очень уместна в рамках рассматриваемой темы. Суть примерно такова: в океане живет страшный двухголовый змей Сисиютль. При этом головы не знают друг о друге. Если храбрый индеец хочет получить особенные (мистические) способности, он должен прийти на берег океана и дожждаться Сисиютля. Процесс имеет четыре выраженные фазы. В первой индеец-неофит ждет всплытия змея, пребывая в тревожной неопределенности. Во второй фазе над поверхностью океана появляется одна голова змея

Сисиютля. И это самый тяжелый момент для индейца, поскольку сопровождается запредельным (нуминозным) ужасом, который надо перетерпеть во что бы то ни стало, твердо стоя на земле (сохраняя связь с телесностью) и не отводя глаз. Если это удастся, то наступает третья фаза, когда на поверхности показывается вторая голова, взгляд которой индеец тоже должен выдержать. Самое важное происходит в четвертой фазе, когда обе головы Сисиютля смотрят друг на друга. Собственно ради этого мига индеец и пришел на берег океана. В результате Сисиютль, если я правильно понимаю, в присутствии Свидетеля получает возможность познать себя (дифференцироваться, разделиться), а индеец – свои мистические возможности (возможно речь идет о способности видеть скрытую суть вещей и понимать, что движет миром). Проводя прямые аналогии с аналитическим процессом, индеец оказывается отважным аналитиком, а двуглавый Сисиютль – завязшей прежде в комплексе слияния архетипической парой, которая теперь взаимно сепарирована и может приступить к долгожданному опусу. Заметим, что вся нагрузка и риски ложатся на аналитика-индейца, который должен, опираясь на собственную внутреннюю связность выдержать психотическое давление, не защищаясь от него, заставляя конструктивным образом изменяться сам психотический элемент. И хотя кому-нибудь такая работа может показаться запредельно тяжелой и рискованной (а, в сущности, так оно и есть), аналитик, отваживающийся соприкоснуться с безумием в интерактивном поле, получает в награду доступ к неиссякаемому источнику жизненной силы и творчества. Здесь можно было бы пофантазировать о причинах фактического долголетия и активной старости аналитиков, но мы не будем этого делать.

В целом складывается впечатление, что главный «аналитический» герой вселенной Шварц-Саланта все-таки не аналитик и не клиент, а именно архетипическая пара, претерпевающая трансформацию в интерактивном поле от фузионного состояния «комплекса слияния» до парящего интегрированного Ребиса десятой картинки (а может и до Спасителя двадцатой).

Теоретические конструкты Шварц-Саланта описывают и перетолковывают уже известные нам явления. Например, вышеупомянутый «комплекс слияния», феноменологическое содержание («фузионный эффект») которого прежде существовало в таких психодинамических метафорах как «амбивалентность», «материнский комплекс», «взаимодействие с Границей», «сепарационный процесс», «парадокс двойной связи» и ряда других. В то же время, следует признать, что предложенный Натаном ракурс, позволяет воспринимать интересующие нас феномены с новой стороны. Мне очень хотелось бы освоить это на практике!

Натан Шварц-Салант как клиницист.

В этой ипостаси Шварц-Салант предстает как успешный интегратор различных глубинноаналитических взглядов на психическое. В первом приближении можно сказать, что современный психоанализ и аналитическая психология мирно сосуществуют в клиническом моменте «здесь и теперь». Психоанализ дает ракурс развития, когда текущее страдание предстает результатом предыдущего травматического опыта. Аналитическая психология привносит архетипическое измерение, в котором страдание отображается как общечеловеческая драма, разворачивающаяся в текущем интерактивном поле. Натан настаивает, что для понимания полноты картины необходимо учитывать обе точки зрения. На практике среди прочего это выражается в активном использовании Натаном инструментов психоаналитического диагноза, что иногда, на мой взгляд, избыточно. Небольшой (и единичный) пример, в котором Шварц-Салант описывает своего клиента в этой терминологии: «он (клиент) – пограничник, прикинувшийся нарциссом». На мой взгляд, так часто бывает с этими терминами, они становятся самодостаточными кирпичиками, из которых строится обманчивое здание понимания психодинамики клиента, успешно заслоняющее не вошедшие в интерпретацию элементы. С другой стороны, для аналитика, работающего с безумием, дифференциальный диагноз – необходимый инструмент, который у Шварц-Саланта имеет и чувственное, сенсорное измерение. В некоторой степени аналитический диагноз строится на основе контртрансферных переживаний аналитика.

За первые два дня Шварц-Салант провел четыре супервизии. Все они были выполнены в экспертной манере, практически без работы над аффектом, что при подобном сеттинге вполне понятно (крохотный «пяточок» под софитами, где разместился супервизируемый, Натан, его жена Лидия Салант и переводчица; а все остальное пространство занято любопытными зрителями – человек за шестьдесят). Отклик супервизируемых на работу с ними был разным

(не всем пришлось по вкусу экспертно-лекционная манера Натана), но скорее положительным. А вот мне, человеку из «зрительного зала» все очень понравилось. Реконструкции, которые делал Натан были очень живыми и всем казалось, что именно так и обстоят дела в этом конкретном случае. Сейчас, когда пересматриваю соответствующие записи, этого эффекта нет. Я вижу иные пути к пониманию материала, а некоторые связи кажутся надуманными. Должно быть, все дело в интерактивном поле, которое «навел» Шварц-Салант ☺. В своих супервизорских реконструкциях Натан в меньшей степени пользовался собственными наработками, в основном это было сочетание идей Юнга, Кляйн и Кохута. Как ни странно, практически непротиворечивое. Возможно, где-то «внутри» Натана Шварц-Саланта есть «точка отсчета», выходя из которой все эти столь разные идеи объединяются в работоспособную интерпретацию. Должно быть, ему пришлось изрядно потрудиться, чтобы обрести такую «точку» (сорок лет аналитической практики). Сейчас, после времени, становится понятно, насколько велик вклад в устойчивость и аутентичность интерпретации *личности* Натана. С чисто теоретической точки зрения многие построенные им связи мне не совсем понятны, как и, казалось бы, привычные концепции, которые в изложении Шварц-Саланта приобретают новые смыслы. Например, это относится к «Самости», которая у Натана «живет» где-то между «вселенными» Кохута и Юнга. Возможно, это только моя трудность, поскольку, несмотря на знание этих подходов, мне не удастся в своем сознании «подружить» их между собой. Благодаря своей внутренней «точке отсчета», Натан делал это сравнительно легко и непротиворечиво. Как тут не согласиться с Юнгом: не техника и теория, но личность аналитика!

Кейсы, которые в качестве примеров представлял сам Шварц-Салант, были поданы в удачной манере: соблюдался редкий баланс «участие – наблюдение», что лично мне позволяло, как «чувственно» присутствовать в материале, так и учиться на нем. Это во многом связано с умением Натана подать клинический опыт через призму собственных ощущений и переживаний.

Завершая этот несколько затянувшийся отзыв, мне бы хотелось искренне поблагодарить наших московских коллег за предоставленную нам возможность встречи и плодотворной работы с Натаном Шварц-Салантом. Спасибо!